

ЮБИЛЕИ

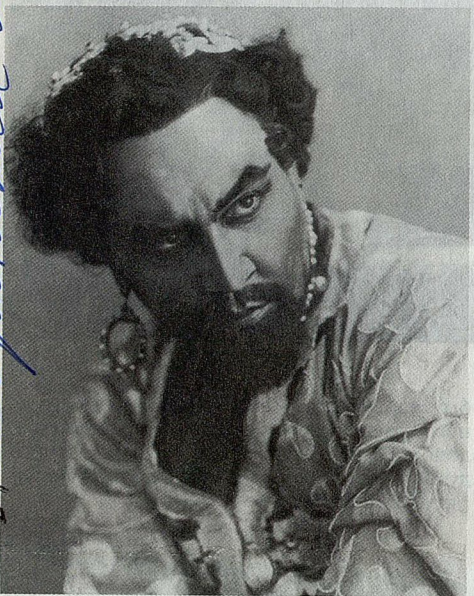
«ОН ДЕЛАЛ СВОИХ ГЕРОЕВ ЖИВЫМИ ЛЮДЬМИ»

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕОНИДА САВРАНСКОГО

Назовите оперных певцов, в репертуаре которых одновременно и мирно уживались бы Борис Годунов и Валентин из «Фауста», Руслан и Жермон из «Травиаты». Я знаю только одного – это Леонид Филиппович Савранский, народный артист России, 125 лет со дня рождения которого исполнилось 29 апреля.

У него была долгая и счастливая творческая жизнь – 45 лет на оперной сцене: для вокалиста срок более чем редкий.

Савранский закончил Киевское музыкальное училище (и естественный факультет Киевского университета) и в 1901 году впервые выступил на оперной сцене – в партии Евгения Онегина. Этот спектакль артист считает началом своей карьеры. И уже в начале ее Савранский никогда и ни в чем не полагался на случай. За два года он подготовил 18 партий, постоянно работал над расширением диапазона, и скоро голос его ровно звучал на протяжении более двух октав со свободным теноровым до вверх. Был даже случай, когда Савранский спел партию молодого Фауста в опере Гуно.

Григорий Грязной

Леонид Филиппович работал во многих провинциальных театрах – от Белостока до Иркутска. Только в Иркутске за один сезон он спел 101 спектакль, исполнив все партии лирического баритона в оперном репертуаре театра. В 1903 году в Харькове произошла знаменательная для певца встреча – в спектакле «Фауст» под управлением молодого Вячеслава Суха он выступил в партии Валентина. Позднее дирижер и певец плодотворно сотрудничали в Большом театре. Но прежде чем Савранский стал солистом Большого театра, он несколько сезонов (1908–1912) пел в Народном доме в Петербурге. Годы работы в Народном доме, бывшем в начале века во многом экспериментальной сценической площадкой, оказали большое влияние на формирование творческой личности артиста. Здесь выступали ведущие солисты Мариинского театра, которые часто именно в Народном доме «пробовали» свои новые работы, шел поиск средств актерской выразительности, отличных от традиционных для казенной императорской сцены. Помимо лирического репертуара, Савранский начал исполнять партии драматического баритона и даже впервые выступил в роли Бориса Годунова и спел его в Народном доме 40 раз.

В «Борисе Годунове» услышал Савранского управляющий Московской канторой императорских театров Сергей Трофимович Обухов и сразу же подписал с ним контракт на 2 года.

На сцене Большого театра талант Савранского раскрылся во всем блеске. Он исполнил 77 партий, выступил более, чем в 1300 спектаклях.

В 1912 году на сцене Большого театра еще продолжали свою блестящую карьеру Федор Шаляпин, Антонина Нежданова, Леонид Собинов, в расцвете таланта были Василий Петров, Антон Бонавич, Григорий Пирогов, Иван Алчевский, начинали творческий путь молодые Елена Степанова, Сергей Мигай, Сергей Юдин.

И хотя в театре постановку многих спектаклей осуществлял режиссер Владимир Лосский, исповедовавший принципы Художественного театра и большое внимание уделявший разработке массовых сцен, опыт, приобретенный Савранским в Народном доме, во многом оказался новаторским.

В сборнике, посвященном Надежде Обуховой,

Савранский писал: «Когда я пришел в Большой театр с провинциальной сцены, то был хоть и молодым, но все же уже сложившимся певцом, и меня поразило, что при исполнении все внимание обращалось на вокальную сторону. Она настолько превалировала, что временами казалось, будто идет концертное исполнение в костюмах и гриме. Поэтому моя манера шла как бы несколько вразрез с общим ансамблем. Но постепенно этот разрыв сглаживался, и я уже не вызывал никакого удивления, напротив, меня стали приветствовать. Первым, кто поддержал меня, был Купер, сам человек чрезвычайно горячий и темпераментный. Затем и Сук признал мою манеру исполнения и очень часто просил, чтобы я был в числе исполнителей в операх, которыми он дирижировал». (сб. «Надежда Андреевна Обухова». Москва. ВТО, 1970, стр. 129).

Настоящее признание Савранского как певца-артиста у московской публики и у труппы началось с «Царской невесты», в которой он впервые выступил в 1916 году, а Григорий Грязной стал его высшим творческим достижением. В этом образе, с его сложным и противоречивым внутренним миром, раскрылось умение Савранского быть искренним, сценически выразительным и заразительным, направлять свой темперамент на создание характеров ярких и незаурядных. И кто бы ни писал о Большом театре, о его оперной труппе и спектаклях второго десятилетия XX века, – непременно отмечал это создание Савранского.

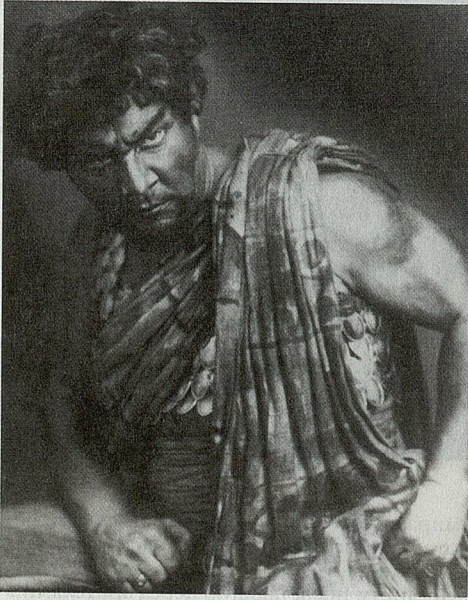
Сам Савранский очень любил роль Грязного и в своем дневнике 1913 года записал: «Грязной! Какое счастье: переживать эту трагедию любви и смерти в необузданном, горячем сердце, творить восторг в груди – и слезы восторга в окружающих!»

Надежда Андреевна Обухова, многие годы считавшаяся непревзойденной Любашей, вспоминала: «Его Грязной поражал своей удачей, силой, темпераментом. Я и сейчас вижу его в этой роли: на нем алая шелковая рубашка, подпоясанная золотым шнуром, зеленый парчовый кафтан, боярские сафьяновые сапоги, на черных волосах тубетейка. Великолепный, характерный грим, энергичная походка, скупые, но выразительные жесты. Леонид Филиппович был непревзойденным Грязным и очень вдохновлял меня» (там же, стр. 92).

Среди многих театральных преданий сохранилось, что работая над постановкой «Царской невесты», Станиславский сказал: «Если хотите видеть Грязного, посмотрите и послушайте Савранского».

Но Савранский был хорош не только в «Царской невесте». Современники запомнили его Князем Игорем, Скарпиа в «Тоске», Троекуровым в «Дубровском», Амонасро в «Аиде», Тельрамундом в «Лоэнгрине», Риголетто, Кочубеем в «Мазепе», Мефистофелем, Мизгирем...

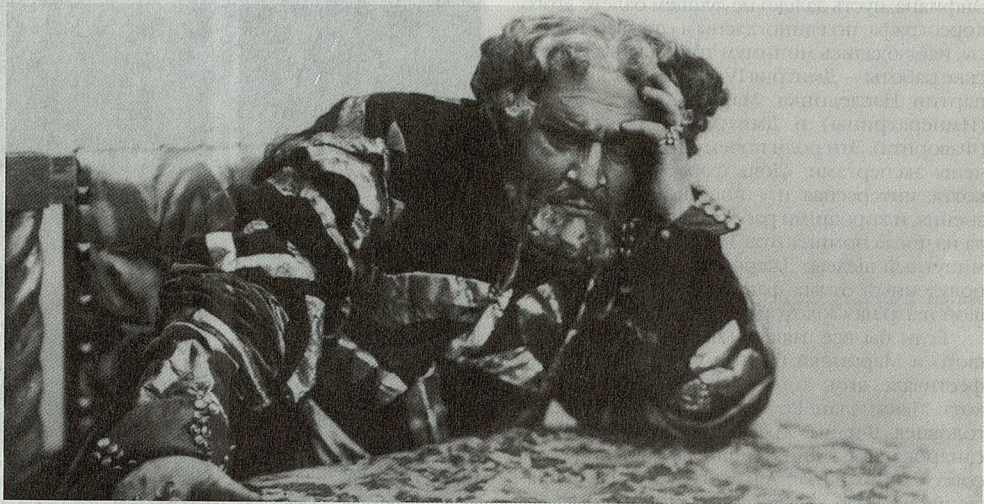
Если слова Обуховой – свидетельство того, какое впечатление производило искусство

Амонасро

Савранского на артистов старшего поколения, то можно привести множество подтверждений влияния Савранского на молодежь, пришедшую в театр в более поздние годы.

О Савранском как создателе «образов, которые он лепил с замечательным мастерством», писал Марк Осипович Рейзен. А баритон более молодого, чем Савранский, поколения

Борис Годунов

Алексей Петрович Иванов вспоминал: «Леонид Филиппович Савранский был для меня образцом оперного актера. В творчестве Савранского привлекала незыблемая непосредственность и простота исполнения. На сцене он не воспринимался как актер – он делал своих героев живыми людьми, и ничто – ни костюм Игоря или Бориса, ни заведомая условность для русского зрителя таких персонажей, как Риголетто или Амонасро, – не могло избавить от ощущения сиюминутности и подлинности происходящего, когда их играл Савранский. Сила и диапазон голоса были у него таковы, что он не испытывал ни малейших затруднений даже в самых сложных партиях, все пел как бы в свое удовольствие» (А.Иванов. Жизнь артиста. Изд. «Сов. Россия». М., 1978, стр. 146).

Много, с большим уважением и симпатией говорил всегда о Савранском Сергей Яковлевич Лемешев. Эти теплые чувства нашли отражение и в книге «Путь к искусству» (Издательство «Искусство». М., 1968, стр. 163–165).

«Савранский глубоко запал мне в память еще с консерваторских лет, поразив раз и навсегда сценической культурой, музыкальностью, отличным владением словом, фразой, – писал Лемешев. – Взрывчатый темперамент Савранского не оставлял равнодушным никого, и в то же время артист обладал тактом и чуткостью большого художника...»

Лемешев пишет о сильном впечатлении, которое производил Савранский – Князь Игорь – «это был настоящий русский витязь, богатырь. А разве можно забыть его Амонасро! Одна фигура эфиопского царя была воплощением мощи и ненависти: необыкновенно развитая мускулатура, огромные бицепсы, сверкающие белки глаз на темном, искаженном яростью лице. Казалось, что ему ничего не стоит разорвать цепи, которыми он скован. Иным был его мрачный рыцарь Тельрамунд в «Лоэнгрине» – сдержанный, суровый, но тоже масштабный характер.

Внешнее впечатление сливалось с впечатлением слуховым. У Савранского был отличный драматический баритон – звучный, ровный, яркого металлического тембра. Но когда было надо, он звучал как бас. Я слышал многих Борисов Годуновых, но скажу по совести, что Савранский мог выдержать сравнение с лучшими исполнителями этой партии. Его умение быть на сцене одновременно пластически сдержанным и страшно напряженным, пламенным внутренне как нельзя лучше подходило к партии Бориса, под монаршими одеждами которого в тоске и бессилии плакала душа...»

Тельрамунд был не единственной вагнеровской партией Савранского – пел он и Альбериха в «Золоте Рейна» и «Гибели богов», но партии эти занимали столь незначительное место в его репертуаре, что причислять Савранского к вагнеровским певцам нет оснований. Это лишь еще одно свидетельство широкой творческой амплитуды артиста.

О певцах прошлого мы судим сегодня по дошедшим до нас записям. Порой они нас разочаровывают, не соответствуя сложившимся легендам. Иногда вызывают восторг и мы делаем для себя приятные открытия. Записей, по которым можно было бы получить представление о пении Савранского, нет. Есть лишь запись трех арий, сделанная певцом в возрасте 72 лет. Сам Савранский более чем скептически относился к ней, но если певец в столь почтенном возрасте мог исполнять такие труднейшие произведения, как ария Грязного, ария Князя Игоря и монолог Яго, – факт этот сам по

себе является показателем вокального мастерства исполнителя.

Интересные воспоминания о Савранском оставила Елена Климентьевна Катильская – прекрасная певица, замечательный педагог. Когда театр отмечал 60-летие творческой деятельности артиста, Катильская писала: «Голос Л.Савранского – лирико-драматический баритон красивого, «бархатного» тембра – одинаково свободно, ярко и выразительно звучал во всех регистрах, сила и широта звука, дыхание казались беспредельными. Вместе с тем Л.Савранский прекрасно владел музыкальной декламацией и тонкими нюансами как средством художественной выразительности. Диапазон его гибкого, подвижного голоса был необычайным: для него не существовало трудностей, связанных с высокой тесситурой партии. Эти качества позволяли артисту с неизменным успехом исполнять как высокие партии лирического баритона, так и глубоко насыщенные драматические партии...»

Естественным стал приход Савранского в педагогику, и с 1948 по 1953 год он преподавал в Московской консерватории. Можно назвать многих учеников Леонида Филипповича, сделавших удачную карьеру. Назовем только одну – это Ирина Константиновна Архипова. Небольшой класс Савранского (6–7 человек) называли «санаторий», к нему приводили так называемых «испорченных» студентов, и он помогал им обрести их собственный голос, «стать на ноги». Его вокальные упражнения были направлены на то, чтобы научить «не кричать, петь ровно и красиво».

Скончался Савранский в возрасте 90 лет. Он прожил большую, интересную творческую жизнь. Был согрет вниманием зрителей и уважением коллег, которые ценили его доброжелательность, скромность, простоту в общении и щедрость души. В труппе современники и младшие товарищи говорили о том, что талант Савранского остался недооцененным, что он принадлежит к тем художникам, которые своим талантом создавали славу Большого театра и творили его традиции, на которые сегодня опирается исполнительское искусство нового поколения мастеров оперы Большого.

СУСАННА БЕНЦИАНОВА

Шакловитый